

уровня его доходности, своей доли в коллективном имуществе, порядка зачета персональных денежных и иных взносов в долевого фонд, расчета и начисления дивидендов, будут сами по себе формировать определенную позицию работника по отношению к вопросам управления коллективным предприятием, превращая решение предпринимательских и собственных проблем в его личное дело. Формирование новой мотивационной системы работника в процессе приватизации существенно изменяет место заработной платы. Во-первых, она уже утрачивает роль единственного источника доходов. Во-вторых, она приобретает новую функцию - материального воплощения частичного статуса субъекта как наемного работника, который является еще и совместным собственником, и предпринимателем. Все это не может не приводить к определенному снижению мотивационного статуса заработной платы, что, в свою очередь, ослабляет всю систему традиционных стимулов и рычагов управления трудом на предприятии.

Поскольку, как было показано выше, новая мотивационная система не может сразу заработать в полную силу, необходимо обязательно принять меры превентивного характера, направленные на сохранение «зарплатных» механизмов и стимулов. Действенными могут оказаться и такие хорошо из-

вестные методы повышения стимулирующей роли заработной платы, как различные подрядные формы, использование КТУ, премиальные системы. Напротив, чрезвычайно опасным было бы стремление переложить все стимулирующие функции на доход от собственности, в особенности, на первых порах

Общий вывод: процесс разгосударствления и приватизации оказывает фундаментальное воздействие на мотивационную систему, повышая ее общий статус в экономической структуре общества и порождая новые стимулы для субъектов хозяйственной деятельности. Однако, будучи привязанной к системе глубинных институциональных и социальных констант общественного производства, мотивация не может измениться мгновенно и автоматически. Ее трансформация будет носить характер эволюции, темпы которой зависят не только от темпов преобразования в сфере отношений собственности, сколько от реальных изменений в стереотипах индивидуального хозяйственного поведения применительно к собственности и всей совокупности экономико-социальных и культурно-исторических факторов.

Поступила в редколлегию 03.10.2002

ЯРЕМЕНКО В. Г. РОЗВИТОК СИСТЕМИ ІНТЕРЕСІВ І МОТИВАЦІЇ В ПРОЦЕСІ ПРИВАТИЗАЦІЇ ДЕРЖАВНОЇ ВЛАСНОСТІ

Розглянуті питання впливу приватизації на систему інтересів та мотивацію суб'єктів господарювання.

YAREMENKO V.G. DEVELOPMENT OF A SYSTEM CONCERNS AND MOTIVATION IN PROCESS OF PRIVATIZATION STATE THE PROPERTIES

The problems of the privatization influence of the system of interests and motivation of the economy subjects were considered.

УДК 338.92

О.Л. ЯРЕМЕНКО, докт. экон. наук, проф.

Харьковский гуманитарный университет «НУА»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА: ПРАКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Рассмотрена роль институциональной системы как предпосылки практического единства экономики и права

Экономика и право - две разные парадигмы теоретического мышления и практической деятельности, что далеко не случайно. Они имеют две разные предметные сферы своего практического приложения и апробации. Так, экономикс - наука рационального (наиболее выгодного) хозяйственного поведения, а правоведение - наука о соблюдении и использовании законов. У них разная история, разные кор-

поративные традиции. Предметная концентрация и обособление экономической и правовой парадигм - необходимая предпосылка эффективной специализации и профессионализации деятельности. И во многом, благодаря этому, они и могут более или менее успешно исполнять свои социальные миссии.

Но такое взаимное обособление носит исторический характер, хотя и существовало далеко не все-

гда. Анализ генезис правовых форм хозяйственной деятельности человека позволяет выявить некоторые скрытые, но реальные формы позитивного единства экономики и права. Прежде всего, это - институциональная система общества, в которой экономика и право не просто взаимодействуют, а находятся в неразрывном практическом единстве. В современной науке под институтами понимаются процедуры и учреждения, отражающие традиции, правила, нормы и законы, которые, снижая количество информации, необходимой для согласованных индивидуальных и коллективных действий, создают условия для функционирования и развития социальных систем разного уровня.

Уже однажды пройденный позитивный опыт решения инновационной поначалу задачи, закрепляется и накапливается в *стандартных* ограничениях, *обязательных* правилах и нормах. Говоря о средствах, обеспечивавших институт собственности в Древнем Риме, В.А. Савельев пишет: «Они представляли собой очень древние процедуры (ритуалы), основывавшиеся на символике действий и сопровождавшиеся торжественными, строго установленными вербальными формами. Все они были актами «строгого права» (*stricti ius*), то есть требовали неукоснительного соблюдения процедурной стороны и пунктуального выполнения действий, указанных в «вербальной формуле» [1, с. 112].

Таким образом, в основе искомой предпосылки противопоставления «функция – институт» лежит реальная антитеза «неопределенность (стохастичность) – стандартность (детерминированность)», которая характеризует любую целенаправленную деятельность хозяйствующего субъекта. Если система допускает (предполагает, требует и т.д.) существование *нескольких* разрешенных способов поведения в одной и той же ситуации, то определенной институциональной форме деятельности предшествует *доинституциональный* выбор.

Из этого следует принцип непрерывности институционального формообразования в хозяйственной системе, где имеют место инновации или изменения внешних условий хозяйственной деятельности. С другой стороны, традиционные системы не развиваются институционально потому, что нормативно исключают (запрещают) существенные инновации.

Важная сторона природы правовых институтов - это их *конфликтная* предпосылка. Институт рождается не только как автоматический способ рационализации повторяющихся действий, но еще и как способ согласования несовпадающих интересов и целей взаимодействующих субъектов. В основе вызревания согласующего предназначения институтов лежит триада «контакт-конфликт-контракт». Институты обеспечивают снижение психологических, социальных и экономических издержек противостояния и конфронтации, не устраняя сам фактор взаимного давления субъектов как необходимый механизм социальности.

Контрактная сторона сущности институтов легче

всего прослеживается в той сфере хозяйственной деятельности, которая по своей сути является процессом прямого взаимодействия субъектов - в договорных отношениях. Обязательства сторон контракта регулируются, кроме конкретных норм права, еще и так называемыми «торговыми обычаями и обыкновениями», которые не являются нормой права и носят характер подразумеваемого условия договора.

В английском праве под торговым обыкновением понимается такое правило поведения, которое «настолько широко известно в данной сфере деловой жизни, что оно считается входящей составной частью в заключенный между сторонами контракт, если оно только не было исключено ими в прямо выраженной или подразумеваемой форме» [2, с.110]. Торговое обыкновение оставляет свободу действий для участников, поскольку носит *диспозитивный* характер: «если не указано иное». При этом обыкновение, существующее на определенном рынке, может быть применено к лицам, заключившим сделку на этом рынке, независимо от знания его такими лицами.

Принцип диспозитивности может быть распространен на институциональную систему в целом. Ему подчиняются те блоки, которые должны обеспечить достаточную гибкость и вариантность хозяйственного поведения. Там же, где важно обеспечить максимальную определенность и однозначность, действуют обязательные нормы.

Правовые «инварианты» институциональной системы, как правило, носят характер вербальных норм, поскольку призваны максимально разъяснить участникам хозяйственной деятельности, что именно следует или не следует делать в соответствующих ситуациях. «Вариантные» институты могут носить и невербальный характер, будучи интернированными в сам субъект хозяйственной деятельности посредством базисных форм социализации (воспитание и образование). Множественность социально приемлемых норм поведения позволяет такой системе быть более адаптивной, поскольку каждый раз включается именно та норма, которая наилучшим образом отражает данную ситуацию.

Вербальные институты являются менее устойчивыми, поскольку «текст» чисто технически можно легко изменить, чего нельзя проделать с народным обычаем или традицией. Это иногда порождает иллюзию простоты и доступности сферы институционального формообразования для бюрократического контроля и вмешательства, тем более, что обязательное условие сопрягаемости вербальных и невербальных институтов является далеко не очевидным. Иллюзорность такой подконтрольности институционального генезиса обнаруживается в нежизненности и формальном характере «сочиненных» институтов, не способных обеспечить действительно рациональный выбор и согласование социально значимого поведения субъектов.

Институты в широком смысле могут представ-

дять собой как отдельные стандартные процедуры (например, институт эквивалентного обмена), так и разветвленные, более или менее однородные их совокупности (блоки). Если стандартные действия требуют согласованного (совместного) участия различных специализированных профессиональных агентов, деятельность которых регулируется писаными правилами, институты приобретают характер учреждений.

Из этого вытекают и два существенных свойства любых институциональных форм: во-первых, они обеспечивают связь и преемственность исторических состояний социума; во-вторых, институциональная форма всегда относительно и преходяща. «Институты - это результат процессов, происшедших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» - так характеризовал эту сторону институтов Т. Веблен [3, с.202].

Если некоторый институциональный комплекс завязан на прочном корпоративном или сословном интересе, то данная корпорация может попытаться найти иную деятельную основу для обеспечения своего статуса, как правило, властного, иерархического. В качестве примера можно привести процесс «обуржуазивания» юнкерства в ходе так называемого «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве Германии в прошлом веке. Очень характерно в этом плане и стремление части советского партийного руководства в годы перестройки обосновать необходимость укрепления руководящей роли КПСС сложностью и новизной задач, стоящих перед обществом. Затем это стремление плавно переросло в процесс обуржуазивания постсоветской номенклатуры.

Однако утрата деятельной основы институтов, ведущая к их угасанию, означает нарастание хаоса, когда не согласуются действия и поступки взаимодействующих субъектов, хотя это и затрагивает их интересы. Если субъекты чересчур много могут по отношению к согласующему потенциалу институциональной системы, в ней резко повышается уровень конфликтности, и значительная часть экономической энергии затрачивается на прямое подавление «путяющихся под ногами» конкурентов.

Институты существуют в обществе на всех его уровнях. На макроуровне они могут быть представлены системой прав собственности, монетарной и кредитной системой, конституцией государства и

т.д. Государство может рассматриваться как ряд институтов, определяющих структуру политической власти. Специфика институционального статуса государства заключается в возможности «самоинституционализации», то есть, придании атрибута легитимности тем правилам, которые в наибольшей степени отвечают интересам самого государства.

Правовые институты дают возможность осуществления целеустремленных действий, делая действия других людей и организаций более предсказуемыми. В то же время в силу своего специфического функционального предназначения в социальной системе правовые институты всегда относительно стабильны, инертны по отношению к своей деятельной основе, консервативны.

Первая причина консерватизма институтов - в «принципе консенсуса». Институт - это образ действий, который признается обязательным *всеми* (или, по крайней мере, *большинством*) субъектами, имеющих отношение к данному вопросу. Соответственно, пока большинство субъектов не воспримет (освоит) новый образ действий, силу обязательного сохраняет старый.

Вторая причина инертности правовых форм хозяйственной деятельности заключается в их системном характере. Любой правовой институт всегда возникает и развивается как элемент некоторой органической целостности, в рамках которой он только и может соответствовать своему назначению. Это обнаруживает себя как мера взаимного согласования общих условий существования правовой системы и частных условий отдельного правового института. Поэтому изменение отдельных правовых институтов возможно не как изолированный процесс, а как часть общей адаптации или эволюции правовой системы, что в общем случае происходит более медленно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельев В.А. Частное римское право. -М.: Юристъ, 1995. -175 с.
2. Герчикова И.Н. Маркетинг и международное коммерческое дело. -М.: Внешторгиздат, 1990. -263 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. -М.: Прогресс, 1990. -808 с.

Поступила в редколлегию 03.10.2002

ЯРЕМЕНКО О.Л. ИНСТИТУЦІОНАЛЬНА СИСТЕМА СУСПІЛЬСТВА: ПРАКТИЧНА ЄДНІСТЬ ЕКОНОМІКИ І ПРАВА

Розглянуто роль інституційної системи як практичної єдності економіки та права.

YAREMENKO O.L. INSTITUTIONAL SYSTEM OF THE SOCIETY: PRACTICAL UNITY OF ECONOMICS AND LAW

The role of the influence institutional system was preconditions as the grounds of the practical unity of economy and law.